

УДК 101.1

© В. В. Грибунин, А. А. Тесля, 2011

**ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. Н. СТРАХОВА
1860–70-х ГОДОВ И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО¹**

Грибунин В.В. – ст. преп. кафедры «Философия и культурология»; *Тесля А. А.* – канд. филос. наук, доц. кафедры «Философия и культурология», тел. (4212) 22-43-94, e-mail: atesla@mail.ru (ТОГУ)

Отношение Н. Н. Страхова к славянофильству претерпело существенное изменение в 1860–70-х годах: от дистанцирования до принятия. Определение Страховым сущности славянофильства существенно отличается от свойственного московскому славянофильскому кружку; Страхов различает практическое и теоретическое славянофильство. Московское славянофильство, по мнению Страхова, есть одна из конкретно-исторических форм славянофильства как такового.

The attitude of N. N. Strakhov toward slavophilism has undergone the significant changes in the years 1860–1870: from distancing to adoption. The definition of the essence of slavophilism given by Strakhov differs significantly from that peculiar to the Moscow slavophile circle; Strakhov makes distinguish between practical and theoretical slavophilism. The Moscow slavophilism, according to Strakhov, is one of the concrete historical forms of slavophilism.

Ключевые слова: Н. Н. Страхов, славянофильство, журналистика 1860-х, почвенничество.

К взглядам Н. Н. Страхова (1828–1896) наблюдается существенное повышение исследовательского интереса; в последние несколько лет были переизданы его основные философские [1] и публицистические работы [2, 3], появились монографические исследования его философских взглядов [4]. Тем не менее, долгое игнорирование (или, в лучшем случае, неполное и периферийное рассмотрение) как данного мыслителя, так и всего консервативного направления мысли, к которому он принадлежал, обусловило современное положение исследований, когда многие даже из наиболее существенных вопросов остаются слабо или недостаточно изученными. Еще В. В. Розанов, публикуя и комментируя адресованные к нему письма Страхова, отмечал

¹ Исследование выполнено в рамках гранта от Совета по грантам Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта МК-1649.2011.6.

удивительное положение, при котором целый пласт русских публицистов, философов, литературных критиков оказался фактически изъят из истории русской мысли [5]. Эта судьба ожидала тех, кто не вписывался в прямолинейную схему – не попадал в общее течение «интеллигентской» мысли, и в то же время не поддавался однозначной квалификации «реакционера», чьи взгляды не могли быть вписаны в упрощающе-объясняющую схему противостояния.

Относительная известность пришла к Страхову уже в конце его жизни, когда он выступил (после смерти И. С. Аксакова) основным оппонентом в полемике с Вл. С. Соловьевым по «национальному вопросу» [7]. Данная полемика закрепила за ним репутацию «славянофила» [8], которую принимал и поддерживал и сам Страхов. Как бы, однако, не оценивать взгляды Страхова 80–90-х гг. XIX в., правомерно, на наш взгляд, остановиться на двух вопросах: во-первых, каково было отношение Страхова к славянофильству в предшествующие периоды его творчества и, во-вторых, как он сам понимал сущность славянофильства.

Журналистская деятельность Страхова началась в 1859 г. [9], однако первые обратившие на себя внимание публицистические выступления приходятся на 1861 г., когда Страхов начинает публиковаться в журнале М. М. Достоевского «Время» (под псевдонимом Н. Косица). Взгляды Страхова того времени, как и воззрения Ф. М. Достоевского, привлечшего молодого автора в качестве постоянного сотрудника [10], отличались неопределенностью. Редакция старалась занять некоторое положение «над» всеми основными журнальными лагерями того времени, претендуя на критическое обозрение существующих направлений. Одновременная критичность к другим изданиям и направлениям, им соответствовавшим, и попытка «примирительной» позиции, исключала возможность сформулировать ясную и жесткую линию в публицистике. Статьи Страхова периода издания «Времени» (1861–1863) [10] направлены преимущественно против радикальной журналистики в лице «Современника» и «Русского Слова», а отчасти против выступавшего в тот момент в качестве представителя «русского либерализма и европеизма» «Русского Вестника».

Некоторое изменение позиции Страхова можно отметить в его статьях, печатавшихся в «Эпохе» (1864–1865), где он вел регулярный обзор журнальной периодики в рубрике «Заметки летописца» [10]. Польское восстание 1863 г. стало рубежом в истории русской общественной мысли; несколько лет спустя оценивая происшедшие перемены, Страхов писал: «Говоря литературными формулами, все мы до 1862 года были более или менее западниками, а после этого года все более или менее стали славянофилами» [11]. Действительно, увлечение славянофильскими идеями доходит до того, что Страхов в 1864 г. в июне публикует статью под заголовком «Славянофилы победили», где провозглашает полное торжество взглядов Аксаковского «Дня» [10], а в августе почти целиком перепечатывает две передовых статьи

из «Дня», посвященные оценке правительственных преобразований в Царстве Польском, сопровождаемая их комментариями панегирического свойства [10].

Со временем, однако, безусловное принятие взглядов славянофилов (изначально ограниченное политическими вопросами) проходит. В немногих публикациях 1865–1869 гг., появлявшихся в чуждых Страхову изданиях (например, в «Отечественных записках», где была помещена рецензия на «Дым» Тургенева), проявляется стремление говорить о славянофильстве, подчеркивая скорее настроение, некий фон мысли, чем акцентируя интеллектуальное своеобразие учения.

Возможность изложить свои оформившиеся взгляды Страхов получил в 1869 г., когда в Петербурге начал издаваться В. Кашпиревым журнал «Заря». Журнал с самого начала позиционировался как «славянофильский», и в таком качестве был принят и остатками московского славянофильского кружка. 29–31 января 1869 г. Страхов писал Ф. М. Достоевскому: «Московские славянофилы благосклонны к «Заре». Аксаков сделал экстраординарные визиты – мне и [Г. К.] Градовскому...» [12]. В новом журнале Страхов занял положение ведущего критика и публициста, во многом определяя лицо издания; здесь были напечатаны его наиболее значительные статьи: критический разбор «Войны и мира», заложивший основы канонического восприятия этого роман, «Вздых на гробе Карамзина» (небольшой литературный шедевр, совместивший силу полемического выступления против позитивистской историографии А. Н. Пыпина с художественным изображением биографии Карамзина и его влияния на русскую литературу), серия статей, посвященная «России и Европе» Н. Я. Данилевского. Благодаря Страхову книга Данилевского была опубликована в виде серии статей в «Заре», а затем смогла выйти и отдельным изданием.

Полемика вокруг «России и Европы» стала наиболее удобным поводом для Страхова сформулировать свои взгляды на славянофильство. Как уже отмечалось, Страхов никогда не принадлежал к славянофильству в строгом смысле слова – даже в 1864 г., в период наибольшей близости к взглядам московского славянофильского кружка, он сохранял известную дистанцию. Расхождение стало явным с 1869 г., в тот самый момент, когда Страхов прямо провозгласил себя славянофилом. В первой посвященной книге Данилевского статье, Страхов формулирует свое понимание славянофильства: «Что такое славянофилы? Это люди, стоящие за самобытное развитие русского народа, признающие в этом народе своеобразные духовные силы, видящие в его истории постепенное проявление этих духовных сил и желающие впредь наилучшего их раскрытия» [13]. Иными словами, Страхов сводит содержание славянофильства до минимума, растворяя его, фактически, в общих положениях немецкой романтической философии конца XVIII–первой трети XIX века [14].

Славянофильство, в понимании Страхова, есть учение о национальном своеобразии – следовательно, московское славянофильство 40–60-х гг. может пониматься только как конкретно-историческая, частная форма славянофильства. Тем самым, как уже в 1867 г. формулировал Страхов, московское сла-

вянофильство страдает односторонностью – оно верно стремится к национальному своеобразию, но понимает его исключительно узко и, в силу этого, не видит его в современной действительности, только ожидая и надеясь, только уповая на будущее возрождение народных, национальных начал [15]. Определяющее влияние на подобное направление развития взглядов Страхова на народность оказал, по его собственному признанию, Ап. Григорьев [9, 15]. В предисловии к изданному его усилиями первому тому собрания сочинений Григорьева (1876), Страхов так формулировал расхождение со славянофилами: «они обыкновенно приходили к тому, что, за немногими исключениями, отрицали самостоятельность и, следовательно, народность наших художественных писателей. Таким образом, от глаз этих мыслителей ускользнуло именно то, что должно бы их всего более радовать: они не видели, что борьба своего с чужим уже давно началась, что искусство, в силу своей всегдашней чуткости и прозорливости, предупредило отвлеченную мысль» [13]. Славянофилы фактически подтверждали взгляды западников, противостоя им – если последние понимали русскую литературу как обличение русской действительности, и готовы были считать достойным в художественном плане только то, что служило их идее, то «славянофилы со своей стороны подтверждали эти притязания тем самым, что отрекались от новой литературы и признавали ее деятелей лишь в виде исключения, иногда делавшегося очень неудачно. Это неясное, но во всяком случае враждебное отношение необходимо должно было усиливать притязания западников на господство их идей в нашей изящной словесности» [13]. Напротив, для Страхова, как и для Григорьева, существующая русская литература служила выражением не только силы народности, но и ее живого и сильного движения – та самая народность, которую пытались высмотреть славянофилы в русском прошлом или в неясных намеках в русском простонародье, ярко и полнозвучно заявляла себя в художественном творчестве. В 1873 г. Страхов писал: «Зачатки для [...] печальной будущности уже есть и теперь; но по счастью есть также явные зачатки и нашей умственной самобытности, не позволяющие предаваться отчаянию. История русской литературы представляет в этом отношении наиболее отрадное зрелище, и если мы способны чему-нибудь учиться у наших великих писателей, то мы можем найти у них величайший урок: они показывают и доказывают нам, что значит и какую имеет силу вера в русскую жизнь и свободное отношение к Европе» [13].

Подобное изменение взглядов существенно расширяло идейный диапазон Страхова – если для славянофилов в узком смысле слова весь «петербургский период» русской истории оказывался отречением от начал народности, то с точки зрения Страхова этот период изнутри прорастал теми же самыми началами народности. Изначальное, московское славянофильство представлялось ему скорее движением, порывом, чем ясной мыслью. Противопоставляя московских славянофилов Данилевскому, Страхов в 1871 г. писал: «если [...] прежние славянофилы верно поняли не только интересы, но и самый дух своего народа, то Данилевский есть именно тот писатель, который представил наиболее строгую теорию этих стремлений, который нашел

для них общие и высшие начала, начала новые, до него никем не указанные» [13]. Страхов парадоксальным образом оборачивает идею «общества», выдвинутую в начале 1860-х И. С. Аксаковым – то самое общество, которое, по мысли Аксакова, должно было стать органом самосознания, самопонимания русской народности, действительно стало таковым – породив труд Данилевского и, тем самым, возведя неопределенные надежды и чаяния славянофилов до уровня понимания (подобно тому, как одновременно те самые образы народного духа, которых ожидали славянофилы, явились в творчестве Толстого, не замеченного и не понятного славянофилами, равно как ранее ими же был недооценен Пушкин).

Единство со старым славянофильством, по взглядам Страхова начала 70-х годов, заключается в практических выводах. Более того, в практическом смысле славянофилами оказываются и те, которые теоретически придерживаются взглядов едва ли не противоположных: «как мы видели на множестве примеров, сердечная пронизательность заставляет многих говорить и действовать даже вопреки своему образу мыслей, вопреки самым ясным началам, ими исповедуемым» [13]. Более того, «есть случаи, когда вся Россия, можно сказать, обращается в славянофилов» [13]. Напротив, в теоретическом плане свои и Данилевского взгляды Страхов называет славянофильскими только весьма условно: «Когда мы, несмотря на то, называем учение “России и Европы” славянофильством, то мы разумеем здесь славянство в отвлеченном, общем, идеальном смысле; *собственно говоря, это вовсе не славянофильство* [выд. нами – *Авт.*], а особое учение Данилевского, так сказать, “данилевщина”» [13]. В дальнейшем Страхов предпочтет не формулировать расхождение столь явным образом, ведь логика однозначно принуждала умозаключить, что взгляды Страхова, собственно, не являются славянофильством, если под последним понимать какую-либо теоретическую позицию. Прежнее славянофильство, по его пониманию, выступает только предпосылкой, условием формирования новой доктрины. Страхов сравнивает учение Данилевского с гегелевской философией, завершающей «собою шеллингизм и фихтеизм» [13]; «данилевщина включает в себя славянофильство, а не наоборот» [13].

Подводя итоги, отметим:

1. Отношение Страхова к славянофильству существенно менялось на протяжении 60–70-х годов. Если для первых лет 60-х годов характерно дистанцирование, то на 1864–1865 гг. приходится полное публичное присоединение к московским славянофилам (в лице газеты «День») как политическому направлению.

2. С конца 60-х годов регулярно определяя себя в качестве славянофила, Страхов стремится наполнить понятие «славянофильства» минимальным содержанием, сводя его к признанию в народе «своеобразных духовных сил» и стремлению к наилучшему раскрытию последних.

3. Понимание «народности» Страховым складывается под определяющим влиянием Ап. Григорьева (что проявляется, в частности, в понимании художественной литературы как места раскрытия своеобразного духовного

содержания русской народности); учение Данилевского принимается Страховым в качестве теоретического выражения славянофильства, понимаемого максимально расширительно. Данному пониманию способствует явно второстепенное значение, придаваемое Страховым православию – для взглядов философа характерно акцентирование религиозности вне явной конфессиональной характеристики [16]. Славянофильство в широком смысле фактически уравнивается Страховым с российским национализмом романтического типа как таковым, что способствует расширительному пониманию термина, сделавшегося устойчивым к концу XIX века [8].

Библиографические ссылки

1. *Страхов Н. Н.* Мир как целое / Сост., пред. и коммент. Н. Ильин. – М.: Айрис-Пресс, Айрис-Дидактика, 2007.
2. *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом / Н. Н. Страхов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010.
3. *Страхов Н. Н.* Литературная критика / Сост., пред. и коммент. Н. Н. Скотов. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000.
4. *Н. Н. Страхов* в диалогах с современниками: Философия как культура понимания / Сост. и ред. С. Климовой. – СПб.: Алетейя, 2010.
5. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма / Подготовка текста, послесл., именной указатель Г. Р. Евграфов. – М.: Аграф, 2000.
6. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев / Под общ. ред. А. Н. Николоюкина. – М.: Республика, 2001.
7. *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3 / Н. Н. Страхов. – СПб.: Типография бр. Пателеевых, 1896. – VIII.
8. *Милюков П. Н.* Разложение славянофильства (Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев) / П. Н. Милюков // Милюков, П. Н. Очерки истории исторической науки / П. Н. Милюков. – Отв. ред., сост. и автор предисл. М.Г. Вандалковская; Ин-т российской истории. – М.: Наука, 2002.
9. *Страхов Н. Н.* Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве / Н. Н. Страхов // Эпоха. – 1864. – № 9.
10. *Страхов Н. Н.* Из истории литературного нигилизма 1861 – 1865. Письма Н. Косицы. – Заметки Летописца и пр. / Н. Н. Страхов. – СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1890. – XII.
11. *Страхов Н. Н.* Критические статьи. Т. 1: Об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862 – 1885). Изд. 5-е. / Издание И. П. Матченко. – Киев: Типография И. И. Чоколова, 1908. – XV.
12. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 15 т. Т. 15: Письма 1834 – 1881 / Гл. ред. Г. М. Фридендер. – М.: Наука, 1996.
13. *Страхов Н. Н.* Критические статьи. (1861 – 1894) Т. 2. / Издание И. П. Матченко. – Киев: Типография И. И. Чоколова, 1902. – II.
14. *Чижевский Д. И.* Гегель в России / Д.И. Чижевский. – СПб.: Наука, 2007.
15. [*Страхов Н. Н.*] Бедность нашей литературы. Критический очерк Н. Страхова. – СПб.: [б/и], 1868.
16. *Тарасов А. Б.* Н. Н. Страхов в поисках идеала: между литературой и реальностью / А. Б. Тарасов // [<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/12/Tarasov/>].